
Вячеслав Фомичев
Тихий дом

Вячеслав Фомичев

Тихий дом

https://litres.ru/74731739
SelfPub; 2026

Аннотация

Психологическая драма о том, как любовь превращается в систему и сколько стоит жизнь внутри неё. Это история семьи, власти, наследства и одной правды, которую слишком долго хранили молчанием.

Британский медиамагнат Джон Уэстмор скрывает от мира Дом, где под присмотром его властной матери живут женщины, искренне любящие его. Когда в Дом входит Гермиона, пришедшая за правдой о судьбе своего отца и неожиданно получившая настоящее чувство, система, державшаяся на тишине, начинает рушиться.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Вячеслав Фомичев
Тихий дом

Глава 1

ТИХИЙ ДОМ

Роман

Пролог. О Тихом доме и о тех, кто в нём живёт

Среди холмов Котсуолда, где прошлое хранится бережнее, чем людские обиды, притаился дом, которого не найти ни в одном путеводителе. Он построен в годы, когда в Англии ещё верили, что камень способен воплотить порядок. Поэтому всё здесь соразмерно: три ряда высоких окон, два крыла, похожие друг на друга, как две руки одного человека, и лестница, ведущая к дверям так неспешно, что гость успевает передумать входить. Называется он Грейстоун-Парк, но те немногие, кто знает о его существовании, дали ему другое имя. Они говорят: Тихий дом.

Это имя не льстит его создателю. Его дали не стенам, а к тому духу, что поселился внутри. Поговаривают, что в Грейстоуне никто никогда не хлопает дверью, что слуги ступают так легко по паркету, словно боятся разбудить его. Даже птицы в старых липах перед домом поют вполголоса, а к полудню замолкают вовсе, будто усвоив, что здесь это не в чести.

Конечно, это лишь игра воображения. Но, как известно, в каждом вымысле есть доля правды, и правда эта в том, что в доме умеют молчать. Умеют так хорошо, что безмолвие поселилось здесь на правах хозяина.

Под лестницей, в холле, стоят часы в футляре из эбенового дерева. Их ход безупречен, но стрелки неизменно убегают на четыре минуты вперёд. Заведено это было давным-давно, и имя того, кто дал такое распоряжение, кануло в Лету; помнят лишь, что сделала это женщина, сказав: «Пусть в этом доме никто никогда не опаздывает». Гости, приезжающие впервые, думают, что часы безнадежно устарели. Живущие в доме знают, что дело не в них. В Грейстоуне само время устроено иначе, чем в мире: оно течёт на несколько мгновений впереди, чем следует. И всякий, кто привык жить по нему, начинает испытывать лёгкую тревогу за порогом, где часы идут правильно.

Чтобы понять историю этого дома, нужно вернуться на много лет назад и рассказать о двух людях, которые заложили его основание, сами того не зная.

Сэр Ричард Уэстмор был человеком, умевшим превращать слова в деньги, а деньги во власть. Он начинал с типографии на окраине Лидса и закончил империей, в которую входили газеты, телеканалы, журналы и сотни людей, замиравших при звуке его имени. Он был остроумен, когда хотел, и страшен, когда не хотел; и поистине ужасающим он становился за семейным столом, где никто не решался отве-

тить ему мой же монетой. Женой его была Элизабет, урождённая Эшкомб, дочь графа и наследница тех людей, кто веками сидел в разных парламентах и умел ждать. Она вышла за Ричарда рано, потому что так было велено, и осталась с ним надолго, потому что так решила сама.

Тридцать четыре года она сидела по правую руку от человека, который унижал её, и ни разу не опустила глаз. Молчание, которому она научилась за эти годы, не было слабостью - оно стало ее ремеслом. Она изучила его, как изучают иностранный язык, и овладела им лучше любого из тех, для кого он был родным.

У них было двое детей: дочь Сесилия, родившаяся с острым умом и острым языком, и потому с детства считавшаяся «трудной», и сын Джон, родившийся мягким и потому считавшийся «слабым». Отец любил в детях только то, что напоминало ему себя, и потому Сесилией он гордился, а Джона терпел. Мать поступила наоборот. Она поняла, что сын, который не умеет защищаться, нуждается в стене, и решила стать этой стеной. Она не знала тогда, что стена, воздвигнутая из любви, со временем перестанет отличаться от тюремной, и что тот, кого она защищает, однажды назовёт это клеткой, а те, кто придёт после, назовут иначе.

После смерти сэра Ричарда дом остался Элизабет, а сыну отошла медиаимперия отца. Казалось, наступило время спокойствия, по праву принадлежащее выжившим. Но Джон Уэстмор унаследовал от матери молчание, и молчание оказа-

лось тяжелее империи. Он был добр особой добротой, которая причиняет больше горя, чем жестокость: он не умел никого огорчать. У него не было сил сказать «нет», вымолвить «уходи» или «прощай». Те, кто входил в его жизнь, оставались в ней, ибо он не мог их отпустить, а они не находили в себе силы уйти, потому что он был единственным человеком в их жизни, который никогда не повышал голоса.

Так, год за годом, под крышей Грейстоуна собралось нечто то, чему посторонние не решались дать имя. Здесь жили женщины из разных уголков мира, говорившие на разных языках и молившиеся разным богам, но объединяло их одно: каждая была взрослой, каждая вошла сюда сама, и каждая искренне любила мужчину, который не умел сделать выбор. Устроила всё это мать. Она не задавалась вопросом, верно ли это; ее волновало лишь, что случится, если она остановится. Ответ был ясен: придут газеты, фотографы, адвокаты, чужие люди с чужими вопросами. И сын, которого она берегла тридцать лет, окажется один посреди шума, в котором не умеет жить. Именно поэтому она придумала Договор, установила Правила и сотворила тишину.

Правил было четыре, и ни одно не было записано.

О Доме не говорят снаружи.

За столом не говорят о прошлом.

Джона не просят выбирать.

Последнее слово принадлежит Леди Элизабет.

Первые два правила охраняли дом от мира, четвертое -

охраняло от своих. Но по-настоящему держалась вся постройка на третьем. Любой мудрый человек, окажись он здесь, понял бы это сразу: пока никто не требует от Джона решения - равновесие вечно. Но стоит кому-то - даже из наилучших побуждений и из самой искренней любви - поставить перед ним вопрос, на который нельзя ответить молчанием, как всё сооружение, столько лет простоявшее на тишине, начнёт колебаться, словно мост, по которому пронеслась слишком тяжёлая мысль.

Повесть эта рассказывает об одном годе из жизни Грейстоуна, от сентября до апреля, и о женщине, которая принесла в Тихий дом то, чего он страшился больше всего: правду. Она не желала разрушать дом. Она искала истину. Она пришла за одним документом, лежавшим где-то в его подвалах, и за одним именем, которое намеревалась очистить. Она не предполагала, что полюбит человека, которого пришла обвинить. Не догадывалась, что найдёт в доме не только врагов, но и поддержку. И уж вовсе не представляла, что правда, когда она наконец откроется, окажется далеко не такой, какой ее воображали. И еще меньше она знала о том, что в этом доме ее долго и с нетерпением ждали.

Однако, не станем забегать вперёд. Начнём с утра, с самого обычного утра в Тихом доме, когда никто и помыслить не мог, что оно последнее.

Глава 1. Час тишины

День в Грейстоуне начинался не с солнечного луча и не

с перезвона часов, а с того мига, когда Агнес спускалась в кухню и разжигала огонь под чайником.

Она всегда делала это собственными руками, хотя в доме было шестеро слуг и двое из которых просыпались раньше неё. Никто не возражал. Все давно понимали: Агнес не столько заваривает чай, сколько вершит обряд, и лишить её этого означало бы отнять у неё сам дом. Она наливала воду в медный чайник, который до неё никто не решался называть своим, и, пока вода нагревалась, стояла у окна, вглядываясь в сад, где туман ещё стелился между рядами роз, словно молоко в блюдце. В эти минуты, пока её никто не видел, с нее слетала та безупречная любезность, которую она носила днём как платье, и становилось просто лицом тридцатилетней женщины, очень давно не высыпавшейся.

Потом закипала вода, и Агнес вновь становилась прежней.

К семи часам по часам холла, то есть за четыре минуты до семи по часам мира, в Малой столовой собирались все. Это называлось Часом тишины, и пропустить его считалось дурным тоном, как пропустить поклон. Садились без слов, ибо их не требовалось. Сначала приходила Изабель Марсо, француженка тридцати пяти лет, в прошлом главный редактор глянцевого журнала, который она когда-то вывела в лидеры, а затем оставила, сама не вполне понимая, почему. Изабель входила так, словно в дверях стоял фотограф: спина прямая, шаг размеренный, шёлковый халат цвета старого вина. Она любила приходить первой, потому что первая по-

лучала право выбрать место, а место в Малой столовой, как и всё в Грейстоуне, значило больше, чем казалось.

За ней появлялась Амара Окафор, юрист, англичанка по паспорту и нигерийка по крови, с блокнотом, в который она записывала даже мысли, чтобы потом проверить их на логичность. Она была единственная в доме, кто не верил в Договор. Следом входила Сайоко Танака, пианистка, год назад бросившая выступать и до сих пор не объяснившая никому причины. Сайоко садилась, не поднимая глаз, и несколько секунд рассматривала свои руки, словно убеждаясь, что они на месте. Потом приходила Лейла Хаддад, врач-педиатр, родом из Бейрута, с короткими тёмными волосами и печатью усталости, которая не изглаживалась даже сном, ибо была древнее его. Последней, обычно в самый последний момент, влетала Камила Рохас, двадцатипятилетняя художница из Колумбии, с пятном краски на запястье и выражением лица человека, очнувшегося от чужого сна и еще не определившегося, по душе ли ему это пробуждение.

Агнес разливала чай по чашкам. Саша, её семилетний сын, спускался по ступеням, судорожно вцепившись в перила обеими руками, потому что так спускаться было безопаснее. Он занимал место между матерью и Лейлой, и никто не смел на него покушаться: оно принадлежало ему так же, бесспорно, как луна принадлежит ночи.

Мальчик был единственный, кому в этом доме дозволялось нарушать обет тишины. Он молчал, но болтал ногами.

Ни о чем не просил, но не сводил глаз с варенья. Не требовал, но ждал; и сидевшие за столом женщины, каждая по-своему, украдкой следили за тем, как он ждёт, потому что ожидание его было совершенно чистым. Он ждал отца.

Джон входил последним.

Он возникал на пороге без стука, высокий, ровно в половине восьмого, и каждый раз казалось, будто он сомневается, позволено ли ему переступать черту. Он был хорош собой, но его красота была какой-то растерянной, как у человека, не знающего, куда её девать: тёмные волосы, чуть тронутые сединой на висках, серые глаза с той особенной нежностью, какая бывает у людей, всю жизнь старавшихся не причинять боли, и руки, которые он держал так бережно, словно боялся что-нибудь задеть. В такие часы он надевал простой серый свитер, потому что костюм ждал его в Лондоне, а здесь, как он говорил, он «просто человек».

Он останавливался на пороге. И тогда начиналось то, ради чего, собственно, и существовал Час тишины.

Он подходил к каждой. Не торопясь, не пропуская никого, он обходил стол и находил для каждой одно слово, всегда тихое и всегда точное. Изабель он говорил, что вчерашняя колонка была лучшей из всех, что он читал за месяц, и она опускала ресницы, скрывая, как много значит для неё это. Амаре он говорил, что она была права относительно правки к договору, и добавлял, что ему не хватало вчера её возражений за ужином, и Амара, которая считала, что не поддаёт-

ся лести, улыбалась краешком рта. Сайоко он касался лишь плеча и ничего не говорил вовсе, и она понимала, что это лучшее, что он мог ей сказать. Лейле он сообщал, что оставил на её столе книгу, которая ей придется по вкусу, а Камиле просто называл какой-нибудь цвет, и Камила, вспыхнув, шептала: «Умбра». Он помнил всё: у кого что накануне болело, кто что собирался прочесть, о чём кто боялся спросить.

Потом он садился подле сына, и мальчик, не поворачивая головы, брал его за рукав.

Агнес наливала ему чай последней. Это тоже было частью обряда. Она ставила чашку перед ним, и на мгновение их взгляды встречались, и в этом безмолвии было больше смысла, чем во всех разговорах, что вели в Грейстоуне. Она была первой. Она знала его дольше всех, помнила ту его молодую неловкость, которая потом ушла, помнила время, когда этого дома ещё не существовало и когда они вдвоём сидели на кухне крошечной квартиры в Кенсингтоне и делили один бутерброд на двоих. Все остальные пришли позже. Она не ревновала; или, по крайней мере, не позволяла себе называть это так.

Над столовой, на верхней галерее, за тонкой решёткой, откуда видна была вся комната, стояла в это утро, как и всегда, Леди Элизабет.

Она никогда не присутствовала за столом в Час тишины, но никогда его и не пропускала. Она смотрела сверху, высокая, прямая, в сером платье, которое казалось частью самой

галереи, и лицо её, красивое той строгой красотой, что не нуждается в улыбке, оставалось непроницательным. Она наблюдала не за людьми. Она наблюдала за равновесием. Она знала, что если нынешним утром Изабель села на полминуты позже, если Амара взглянула на Сайоко, если Камила разлила чай, то это значит, что вечером что-то случится, и она успеет это предотвратить. Её молчание было дозором. Всю свою жизнь простояла на страже и ни разу не позволила себе расслабиться.

Но в то утро она заметила нечто, ускользавшее от неё прежде.

Джон ушёл не сразу. Обычно он допивал чай, касался головы сына и поднимался, чтобы ехать в Лондон. Теперь же он сидел, глядя в опустевшую чашку, и пальцы его чуть заметно скользили по краю блюдца, словно он перебирал что-то невидимое. Женщины, привыкшие читать его, как читают погоду, переглянулись. Никто не проронил ни слова. Это тоже было правилом.

Часы в холле пробили восемь, на четыре минуты раньше положенного. Джон поднялся.

- Я вернусь к пятнице, - сказал он. Он говорил это каждую неделю.

Он вышел, и дверь за ним закрылась без стука. Саша ещё несколько мгновений смотрел на неё, и никто не смел нарушить его взгляд. Потом мальчик взял ложку и принялся за варенье, и женщины, одна за другой, выдохнули, словно по

команде.

Агнес убирала чашки, когда услышала шаги. Она подняла глаза. Леди Элизабет уже уходила, и только край серого платья мелькнул за решёткой. В этом не было ничего необычного. Необычным было лишь то, что, уходя, она на секунду замедлила шаг, и у Агнес, привыкшей читать Дом по молчанию, сжалось сердце, как сжимается оно у человека, услышавшего, что за стеной упала вещь, которая никогда не падала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.